

1991 г.

В.В. КУРКИН

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

КУРКИН Виктор Васильевич — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Института социологии АН СССР. В нашем журнале публикуется впервые.

Опыт немногих социологических исследований художественных текстов убеждает нас в том, что механическое заимствование приемов контент-анализа, наработанных на «обычной» информации, не дает ожидаемых результатов.

С другой стороны, стремление строить такой анализ художественных текстов на общих позициях, не исключающих дальнейшего сопоставления данных об информации разного порядка, вполне понятно, т.к. качественно отличные потоки сообщений всегда сопутствуют друг другу, предопределяя целостную их оценку. Следовательно, суть вопроса не в разработке принципиально нового контент-аналитического подхода к художественно организованным сообщениям, но в выявлении его специфики, в равной мере включающей и тождественные, и неадекватные моменты исследования текстов.

Как известно, контент-анализ, коль скоро он имеет дело с текстами, заимствует и тем самым утверждает ту или иную лингвистическую концепцию.

В этом смысле исходные принципы техники контент-анализа не возникли из методологического вакуума, у них есть априорная база. И вопрос не в том, адекватна или нет данная методология, важно установить пределы ее применимости. Далеко не все составляющие масскоммуникативного потока способны поступиться собственной целостностью и структурой, растворить свое жанровое качество в традиционном контентном восприятии информации. Именно сопротивление организации художественных текстов надтекстовому «диктату» категорий анализа и есть отчасти причина, породившая дистанцирование исследователей от данной сферы содержания массовых коммуникаций.

Традиция в выборе объекта настолько устойчива, что можно даже говорить о *концепции несовместимости* анализируемого метода с данного рода текстами.

На пути расширения объектного поля метода стоят, таким образом, некоторые стереотипы относительно художественных текстов, во многом дезориентирующие исследователя. Суть стереотипов сводится к следующему: основное требование научного описания — свобода от противоречий — исключает принципиальную многозначность художественных текстов. Попробуем разобраться с этим тезисом.

Возражения против неприменимости методов точных в том числе и социальных наук к произведениям искусства можно свести к четырем пунктам.

Во-первых, недиалектично характеризовать художественную продукцию исключительно как проявление изменчивого, неповторимого и вариативного начала. Вариативного в художественных текстах ровно столько, сколько требуется для актуализации инвариантного в содержании, будь то на уровне сюжета, темы или жанра.

Во-вторых, о возможном успехе контент-анализа художественных текстов свидетельствует такое имманентное свойство последних как *делимость*, причем делимость, объективная по природе (например, кто бы ни слушал песню, число куплетов в ней остается неизменным). Следовательно, не зависящая от восприятия логика деления может составить научный предмет.

В-третьих, отрицающим «несовместимость» контент-анализа с художественными текстами массовых коммуникаций, является принципиально необходимый (в плане методологии исследования) подход к последним как к многоуровневым образованиям. Конечно, если рационально осваивать только эстетику объекта, то попытка обречена на неудачу. Но ведь подобная постановка вопроса и не социологична. Напротив, изучение социальных свойств эстетического объекта вполне возможно, ибо в гуманитарной сфере, как известно, объект создается предметом исследования, а не наоборот.

В-четвертых, нужно сказать о никогда не прерывавшейся практике позитивного изучения художественно поданной информации.

Если контент-анализ как точный научный метод в принципе приложим к художественному материалу, то причина упомянутого выше их дистанцирования заключается, по-видимому, в неразработанности процедуры именно социологического кодирования художественно закодированного содержания.

Обозначим специфику художественно закодированной информации как *неявное* содержание текстов, а информацию в традиционном понимании, апробированную на практике, как *явное*. Неявное присутствие (представленность в тексте) равнозначно отсутствию соответствующих означающих на уровне естественного языка и не свидетельствует о том, что означающие вообще не фигурируют в тексте. Напротив, они должны быть обозначены, иметь знаковое проявление. И если это проявление нельзя зафиксировать на уровне естественного языка, нужно предполагать, что оно фиксируется в знаках вторичной системы [1]. Иными словами, неявное содержание текста так же реально представлено в нем, как и явное. Разница заключается в природе знаков, которыми различное содержание обозначено в тексте.

Становится понятно, почему приемы контент-анализа, основанные на операциях с единицами естественного языка, для исследования художественных текстов малопригодны. Ни слово, ни предложение, ни какой-либо другой лингвистический элемент не совпадают в своих контурах с границами художественной мысли. Такое совпадение возможно лишь в порядке исключения.

Очевидно выделенный уровень (характер) присутствия художественного содержания текстов существенно видоизменяет «классическую» процедуру контента. Мы не согласны, когда на практике каноны контент-анализа, сложившиеся в ходе освоения нехудожественных текстовых массивов и приспособленные к их языковой специфике рассматриваются по сути в качестве универсальных, эталонных.

В общих чертах решение проблемы поиска знаков неявного содержания художественных текстов выглядит так. Его следует фиксировать не в единицах явного, изображенного ряда. Понять, декодировать скрытое содержание можно

только исходя из *отношений* единиц изображенного, для существования которых не требуются специализированные знаки, ибо изображенное, взятое в целом (в его всегда уникальном *внутри-себя-отношении*), как раз и есть спецзнак, материал скрытого, неявного художественного содержания.

Разумеется, обобщенное описание нуждается в конкретизации, но здесь важно показать принципиальное решение проблемы. Сформулируем это решение: в контент-анализе художественных текстов этап дешифровки его сущностной информационной основы неизбежен, он должен предшествовать собственно социологическому кодированию.

Истинное содержание текста и формальное его содержание различаются не акустикой либо словом, а смысловым преобразованием знакового материала. Лингвистический состав этих информативных подуровней одинаков. Различны контексты, структурные отношения. Художественные тексты как бы «заминированы» смысловой тонкостью. И социологу необходимы своего рода «саперные работы», прежде чем приступить к собственно социологическому анализу. Суть предлагаемой стадии исследования, дополняющей контент-анализ, как раз и состоит в том, чтобы подсчитывать при последующем кодировании социологических категорий не созданные исследователем смыслы, но смыслы, объективно присутствующие в тексте; в том, чтобы оперировать в качестве единицы счета не элементами естественного языка, но элементами смысловой структуры, которые могут как совпадать, так и не совпадать с первыми. Иначе вместо картины авторской социальной активности, опосредованной его художественным видением, получится панорама мыслительной активности самого исследователя.

Задача увидеть момент несовпадения смыслового содержания текста с контурами лингвистических средств его выражения усложняется необязательностью данного несовпадения для каждого конкретного текста. Поэтому до описания единиц художественного смысла, их границ, критериев выделения и т.д. следует разобраться, что в одних случаях заставляет «содержательные ножницы» явного и неявного «сдвигаться», а в других — «раздвигаться».

Разгадка отмеченной неуловимости смысловых знаков кроется в том, что языковые единицы, составляющие текст, обладают двумя уровнями значения: 1) языковый знак, попадающий в произведение, имеет заранее данное — лексическое — значение. Это — необходимое условие «встроенности» в текст (литературный, песенный и т.п.); 2) встроенные в текст знаки в пределах его пересемантируются в зависимости от контекста. Подобную трансформацию претерпевают значения не только лексических единиц (слов), но и единиц синтаксиса (предложений и комплексов предложений). При этом возникает определенное противоречие между контекстуальными и лексическими значениями, т.к. последние не исчезают:

Думается, определив как минимум два плана значений текстовых единиц (лексическое и контекстуальное), можно все виды текстов, функционирующих по каналам средств массовой информации (СМИ), распределить по шкале, построенной по признаку доминирования того или другого уровня значения. Текстовый поток СМИ, по мнению практиков, состоит из трех частей — информационной, публицистической, художественной. Поэтому верх шкалы будет укомплектован художественными текстами, внизу же сгруппируются тексты научного либо чисто информативного свойства, промежуточные займут публицистика и науч но-популярный жанр.

Предложенная модель ориентирует аналитика на «доверие» к лингвистическим составляющим текста (словам или предложениям) в плане истинности их информационной нагрузки при обращении к той или иной части текстового потока СМИ. Заметим, что нельзя противопоставлять значения лингвистических единиц значениям контекстуальным, как объективное и субъективное. Контекстуальные значения (отношения языковых единиц) так же реальны, как сами единицы, составляющие отношение, и корректнее их рассматривать как два аспекта одного и

того же явления, а не как два разнопорядковых смежных явления, одному из которых отказано в материальном статусе.

Однако практика контент-анализа гораздо больше доверяет формальной регистрации лингвистических единиц вместо фиксации смысла текста. Такую ориентацию на «лингвоформы» текстового содержания подкрепляет частичное совпадение их значений со смыслом в определенной части потока информации. «Лингвоформальный» контент-анализ, примененный в различных сферах культуры, дает разные результаты. Художественные тексты — самая удаленная от классического контент-анализа область. Чем дальше мы отходим от рационально-научных суждений, тем меньшее значение имеет словарь, и, наоборот, все больший смысловой вес приобретает структура.

Здесь же оговорим, что обозначенная связь эстетических объектов с доминантой контекстуального значения, с одной стороны, и, с другой, рационально-научных текстов с приоритетом лексического значения существует реально как тенденция и не носит абсолютного характера.

Однако настаивая на учете контекста, следует помнить — нюансом, отличающим нехудожественный контекст от художественного, является то, что в данном случае речь идет об отношении *между* высказываниями; *внутри* обычного суждения расхождения между лексикой и смыслом незначительны.

Ошибочна категоричность и в отношении текстов художественных. Далеко не все из них в равной мере наделены тонким контекстуальным смыслом. Лингвоформальный контент-анализ дает, например, адекватный срез в случае исследования «серых» произведений, изобилующих речевыми штампами и общепринятыми лексическими значениями. Но величина искажений из-за лингвистических приемов метода будет неуклонно возрастать по мере роста художественных достоинств произведения. Упрощенный контент-анализ «удавшихся» художественных текстов также далек от игры его смыслов, как, по образному выражению Р. Якобсона, химическое исследование красок не имеет никакого отношения к живописи.

Вместе с тем, приступая к прикладному социологическому исследованию художественных текстов, следует уточнить пределы возможного учета возможных контекстов. Необходимо найти *относительные* внутренние рубежи культурно-контекстуального континуума, которые и позволят включить смысловой анализ в контент-аналитическую процедуру. Таким рубежом является *предметная тема*. Здесь важно подчеркнуть принципиальную возможность дистанцирования контент-анализа от внетекстовых аллюзий, вызваны ли они другими текстами или невербализованными ситуациями.

Только такая локализация исследовательского внимания помогает в каждом конкретном случае видеть и лексическое, и контекстуальное в значениях текста. Сложные значения вбирают и перерабатывают простые. Последние трансформируются, утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и отражают ее исключительно как событие культурной, а не бытовой жизни [2].

В качестве методологической основы, базиса для выделения признаков минимальной смысловой единицы художественного текста мы принимаем теорию художественного высказывания [Там же]. Для понимания смысла и социологической интерпретации высказывания необходимо установить формализованные его границы. Первый критерий здесь — критерий внелингвистической природы — смена речевого субъекта. Именно она, а не сами субъекты речевого действия, ограничивает смысловую континуум единицы социологического анализа. Операционализация данного критерия показывает, что в любом художественном высказывании будут два речевых субъекта, каждый из которых может входить в большее, чем единица, число высказываний.

Вторым критерием является специфическая завершенность высказывания [Там же]. Только композиционная замкнутость позволяет понять его содержание без обращения к расположенным выше или ниже отрезкам текста. Иными словами, имманентное свойство художественного высказывания таково, что будучи «выну-

тым» из текста, оно может быть воспринято как самостоятельный текст. Часто извлеченные высказывания на равных функционируют в культуре как автономные текстовые образования: цитаты, афоризмы, фрагменты, мотивы-заставки радиопередач. Следует также упомянуть случаи, когда текст с момента создания не превышает пределов одного высказывания, например, большая часть отечественных лирических стихотворений, из музыкальных жанров — частушки, из иконических — художественная фотография.

Тем не менее установление критериев разграничения высказываний в текстовом континууме — лишь одна сторона процедуры контент-анализа художественных текстов. Другая — обнаружение содержательного сходства высказываний в пределах исследуемого текстового массива. Иными словами, следует изучить адекватность интерпретации выделенного (согласно установленным критериям) художественного высказывания для последующего отождествления его содержания с разными категориями социологического знания.

На данном этапе раскрытия темы рассмотрим бытующие в научной литературе взгляды как на возможность адекватной интерпретации художественного высказывания, так и на выбор критерия адекватности интерпретации. Представляются неправомерными сомнения в строгости научного описания того или иного художественного содержания. Нельзя также согласиться с методом постижения объективно заданного текстового смысла, который распространился в последние годы. Речь идет о привлечении авторского замысла (при жизни автора — авторского мнения) в качестве критерия адекватности, поскольку в способе проверки понимания смысла художественного высказывания на адекватность допускается тождество между авторским замыслом и смыслом текста.

На это можно возразить. Во-первых, существует множество печатных свидетельств об известной дистанции между тем, что автор хотел выразить и тем, что выразилось [3, с. 382]. Во-вторых, подобное допущение неверно методологически. Важно видеть, что отношение замысел-текст развивается во времени, диахронно. Напротив, отношения смысл-текст во времени не существует, оно синхронно, смысл от текста неотделим, как и текст от смысла. Таким образом, справедливо скорее обратное тезису о тождестве замысла смыслу, а именно: для текстового смысла совершенно безразлично, каким был замысел, что, конечно же, не исключает в отдельных случаях их совпадения.

Адекватный критерий интерпретации художественного содержания — соответствие суждения, обозначающего смысл, структуре анализируемого высказывания. В большинстве художественных текстов именно восприятие смысловой структуры является основой адекватного понимания. Только такой приоритет гарантирует от разного рода непонимания текста [4].

Подчеркнем еще раз: неадекватного понимания текста можно избежать только в результате включения в контент-анализ этапа дешифровки художественного высказывания, что предполагает поиск имманентной структуры каждого высказывания в отдельности, структуры, позволяющей адекватно сформулировать его смысл.

Определение смысловых единиц, разграничение их, интерпретация смысла составляют одну задачу — идентификации художественного содержания. Она вытекает из гносеологической основы контент-анализа, предполагающей, что существует возможность более или менее однозначного перекодирования текстов, при которой безошибочно вскрывается значение, реально представленное текстовым смыслом и выраженное неидентичными языковыми средствами. По сути контент-анализ в своей процедурной части и есть сопоставление двух отекстованных фрагментов: высказывания в анализируемом тексте и категории в бланке кодировщика.

Но внешняя сторона процедуры обманчива. Сказать: следует соотносить с категориями анализа не лингвистические единицы (слова, предложения и т.п.), а смысловые единицы — значит, в случае обращения к художественным текстам,

не сказать очень многого. Что есть художественное высказывание? Как его обнаружить? Как идентифицировать его с категориями социологического анализа? Вот вопросы процедурной специфики контент-анализа, встающие перед исследователем. Причем сложность их решения усугубляется тем, что проблема идентификации как таковая далеко не решена в науке, имеющей к ней самое прямое отношение: филологи дискутируют по этому поводу до сих пор. И потому простительны редкие попытки социологов осуществить формальный социологический анализ художественных произведений, где проблема идентификации высказываний, хотя и не значимая сама по себе, но все же присутствует как фактор, влияющий на качество получаемой статистики.

Иными словами, проблема заслуживает пристального внимания социологов. Сейчас оно тем более актуально, что нельзя оценить имеющуюся социокультурологическую практику как удовлетворительную в данном отношении: высказывания в художественном тексте не считаются художественными, т.е. не рассматриваются в своей сущностной специфике, тем самым различение природы высказываний просто игнорируется. При этом социологи кодируют не те высказывания, которыми оперирует сознание автора текста и реципиентов, а обыденно речевые высказывания, лишь внешне, по своей лексике тождественные высказываниям художественным. Фиксируются лексические значения вместо контекстуальных, единственных, во имя чего создается и чем жив художественный текст.

Нельзя сказать, что идентификация высказываний вообще не осмыслялась в социологической практике. Однако она никогда не ставилась и не могла ставиться (тем более последовательно решаться) как самостоятельно значимая социологическая тема из-за абсолютного преобладания в контент-анализе массивов текстов, нехудожественных по своей природе, где означенная разница между лексическим и контекстуальным значениями весьма невелика. Не случайно, до сих пор есть исследования, где в качестве единицы анализа берется отдельное слово. По нашему мнению, экстраполяция такой техники на контент-анализ художественных текстов — крайнее выражение игнорирования проблемы текстового смыслообразования.

Думается, разбросанные в литературе, разрозненные, сделанные по частным поводам замечания, относящиеся к корреляции неявного содержания текста с собственно социологической его интерпретацией, методологически значимы для контент-анализа художественных текстов. Сегодня как таковые они не осознаны в достаточной мере. Это предопределено и относительной новизной проблематики, и тем, что имеет смысл обращение только к художественно организованной текстовой информации, т.е. именно в художественных текстах проблематика неявного содержания представлена наиболее зримо.

Резюмируем:

1. Суть контент-анализа состоит в перекодировании художественных смыслов информации в цифровой код, допускающий стандартизированное измерение. Решающий этап — перекодирование текста, а не манипулирование цифрами.

2. В художественном общении обмениваются не словами или предложениями, но специфически структурированными смыслами — высказываниями, которые и являются элементарными смысловыми единицами художественно закодированной информации.

3. Отношения внутри и между высказываниями не имеют для своего выражения специальных синтаксических средств. Содержание высказываний может быть охарактеризовано как имплицитное.

4. Высказывание как смысловую единицу контент-анализа отличает целостность по отношению к действительности, а также особая смысловая полноценность, предполагающая их возможное автономное существование, а также ответную реакцию со стороны других высказываний: подтверждение, несогласие и т.д.

5. Смысловая целостность высказывания не позволяет прямо соотносить элементы, его составляющие, с внетекстовой действительностью. Следовательно, проце-

дура перекодирования художественной информации должна состоять из двух этапов: 1) идентификации высказываний в рамках внутритекстовой реальности) 2) идентификации полученных суждений относительно смысла с внетекстовой действительностью.

6. Строение процедуры кодирования в два этапа присутствует практически во всех контент-аналитических исследованиях независимо от материала. Однако только художественные тексты, взятые в качестве объекта, разделяют отмеченные этапы процедуры, исходя из техники их осуществления. По сути можно говорить о двух самостоятельных процедурах социологического кодирования художественных текстов: структурном анализе и сравнительном анализе.

7. Оба этапа социологического кодирования должны учитывать жанровую природу художественных высказываний. В противном случае происходит неизбежное искажение действительной информационной связи культурного феномена с жизнью, что, в свою очередь, ведет к формализму, абстрактности, неадекватным практическим рекомендациям исследователя.

8. Дополнение процедуры кодирования структурным анализом преодолевает некорректное прямое соотнесение текстовых ситуаций с социальной действительностью и, напротив, утверждает соотнесение, опосредованное через контекстуальный смысл и жанровую природу, что вписывается в историческую тенденцию развития метода, определяющую движение от оперирования лингвистическими единицами к оперированию смысловыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сазанов В.В. Об исследовании ценностей в массовой информации // Семиотика средств массовой коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 1973. Ч. I.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
3. Прието А. Морфология романа // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
4. Левин Ю.И. Тезисы к проблеме непонимания текста // Тр. по знаковым системам. Тарту: Тартуский гос. ун-т. Вып. 515.